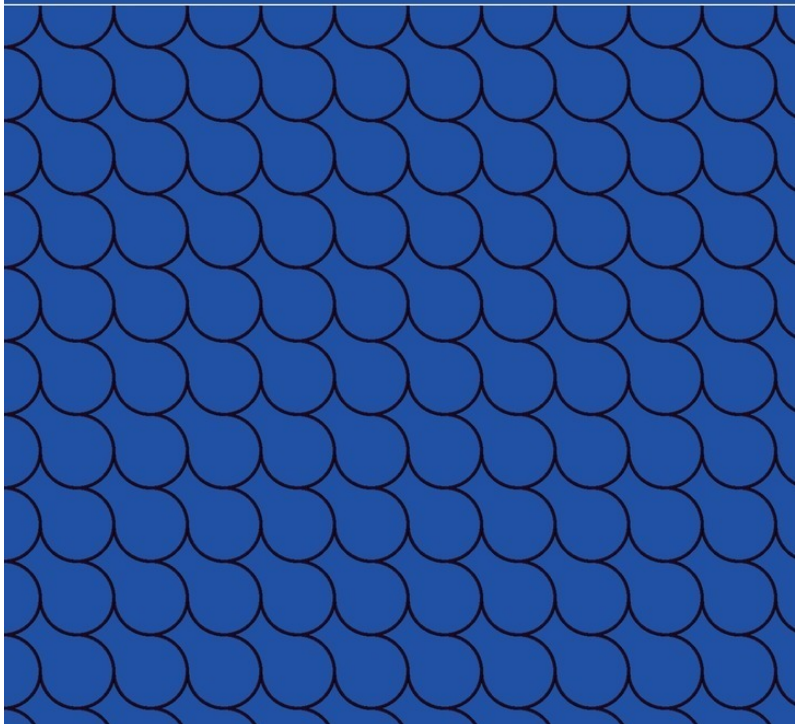

Николай Бербец

Симбиоз

Николай Бербец

Симбиоз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19052921

ISBN 9785447489304

Аннотация

Книга получила название по одному из рассказов, входящих в неё, и включает в себя небольшие произведения разных жанров. В их числе стихотворения, басни, миниатюры и рассказы.

Содержание

Стихотворения	7
Мудрый кот	7
Ты ушёл	8
Всё намечено...	9
Говорливым	10
Целое	11
Порыв	12
Ушла любовь	13
Возможность	14
Первый узелок	15
Воспоминание	16
Родство	17
Об искренности	18
Прощание	19
Новая дорога	20
Горная река	21
Измерения	22
Свет доброты	23
Моя душа	24
Характер	25
Не жалею	26
Элегия	27
Закатный день	28

Тревога	29
Встреча с другом	30
Движение	32
Свой путь	34
Различие	35
Там в саду	36
Живая истина	37
Басни	38
Упрёк	38
Мышь и Мышонок	39
Лиса и женихи	41
Лжец	43
Знатоки	44
Емельян	46
Обвинитель	48
Наказание	49
Артист	51
Черепаша	52
Звезда и месяц	54
Ваза	55
Мишка	56
Мясник	57
Сова и Макаки	58
Лиса и Заяц	59
Три Семьянина	60
Возмездие	61

Два брата	62
О дружбе и выгоде	63
Хозяин и Работники	64
Горожанин и Мудрец	65
Пчёлы и Бражник	66
Злая Обезьяна	67
Петух	68
Хомяк	69
Заяц	70
Миниатюры	71
Шутка	71
Разлука	73
Некая энергия	74
Знак	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Симбиоз

Николай Бербец

© Николай Бербец, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихотворения

Мудрый кот

Вот кот мудрей меня. Он нем.
Закрыв глаза и тихо дремлет.
Стихи читаю. Он не внемлет.
Засуетился лишь затем,
Чтоб уплести кусочек сыра.
Прокуда. Негодяй. Проныра.
Я отвернулся – на столе
Он доедал остатки пищи.
За мышей он в трудах не рыщет.
Сидит и нежится в тепле.
Ему не ведома тоска.
Душа не ропщет в огорчении
На жизни ленное течение.
И на бессмысленность. Легка
Его судьба. Устав от лени
Приплыл, улёгся на колени
И о ладони морду трёт.
Мурлычет и награды ждёт.
Хитрец! Устроился не плохо.
Ну, как не приласкать пройдоху!

Ты ушёл

Вот ты ушёл. Тебя сманили дали,
Желание славы, призрачный успех,
Всё то, чего так многие желали,
Чего всегда не достаёт на всех

А я другим, а тут знакомых много,
Киваю или же машу рукой.
Какая блажь – ведь разная дорога —
Они всегда проходят стороной.

А ты ушёл. А мы с тобою братья
Одною веры. Что там ни пиши,
Но даже миг простой рукопожатия
Рождает во мне движение души.

Мой поиск скуп. Я не грешу соблазном
Родство души с другими обрести.
Киваю всем. И тем поклоном праздным
Как бы лишаюсь прежнего пути.

Вот ты ушёл. А жизнь – она продлится,
Сменяя дни, сменяя имена.
Какая блажь – искать и суетиться,
Вот мир созрел – и в мир пришла весна.

Всё намечено...

Всё может не предрешено,
Но шагом, сделанным давно,
Уже намечено оно.

И что роптать на то, что есть
Оно содеянного вестъ,
А может мечь.

А может быть, скорей итог
Скорей урок.
Да был бы прок!

Говорливым

Как вы сегодня утомили,
Как много слов наговорили.
Я мысленно уже кричу,
Что я вас слышать не хочу.

Что мне совсем не интересен
Остылый прах отпетых песен.
Я слышу: новая весна
Вовсю щебечет у окна.

Целое

Есть эти краски вдалеке,
И этот странный миг заката,
И счастье идти куда-то
В безмолвии и налегке.

Есть только этот дивный свет
И чувство общности движения.
Нет прошлого. И нет сомнения,
Что будущего тоже нет.

Есть только Целое. Оно
Живёт, течёт переливаясь.
И я в нём частию являюсь.
И этим Целым заодно.

И в нём бессмысленны слова
Есть только вечный миг прекрасный,
Когда в безмолвии так ясно,
Что эта жизнь во всём права.

Порыв

Иду на обострения,
Скольжу на грани срыва,
Вся суть в преодолении
И в ярости порыва.

Легко живет лишь праведник
Не знающий сомнения.
Иду к ответам правильным
Сквозь боль и потрясения.

Ушла любовь

Как долго я любовью болен был.
И я страдал, забвения не зная.
Ушла любовь. Ушла, смирив мой пыл.
Но отчего-то снова я страдаю.

Как будто прежнее страдание забыв,
Я вдруг лишился жизни вдохновенной.
Ушел из сердца трепетный порыв,
А вместе с ним и смысл сокровенный.

Возможность

Когда б возможно в Немоте
Существовать и быть Поэтом,
Или творить, стихи при этом
Глаголя только Пустоте.

Чтоб, не накапливая строк
Нередко напоенных кровью,
Дышать вселенскою любовью
К тоске назначенных дорог.

Смирение души ценя
Все отражая тихим слогом,
Искать общения лишь с Богом
И в малом проявлении дня.

Первый узелок

Когда бы всё по-новому,
Чтоб душу не тая,
Успеть сказать ей вовремя
О том, что думал я.

Чтоб развязать по-свежему
Пока не вышел срок...
Кровит, болит по-прежнему
Тот первый узелок.

Воспоминание

Когда её увидел я впервые,
Душа моя затрепетала сразу.
И, встретившись, не отвели мы взглядов.
Я никогда не мог смотреть так долго
В глаза ещё кому-нибудь.
Окликнул кто-то, лишь тогда очнулись.
Я не мечтал о ней, я ею жил.
Потом ещё нашлась одна причина.
Мы встретились, и мы опять смотрели.
Нет! Не смотрели, упивались взглядом.
И мир прикосновений был не нужен.
Мы говорили сразу обо всём,
Лишь только б слушать голоса друг друга.
Когда ж настала жажда прикоснуться,
Судьба нас развела...

Родство

Лежит перед взором уснувшее море:
Ни лодки, ни катера, ни корабля.
И ветер не стонет в безбрежном просторе
Умчался буянить в другие края.

Такая громада застыла в бессильи!
Не верится сердцу. Здесь ветер вчера
Метался, расправив огромные крылья,
И море кипело почти до утра.

А ныне, как будто устав от безумья
Прохладою дышит, покоя полно.
Раскинулось тихое, словно в раздумье:
Зачем же вчера бушевало оно?

И долго внимая и буйству и спорам
Стихий двух огромных, узнал я одно:
Я сын того ветра и этого моря.
В борьбе и в волнении мне жить суждено.

Об искренности

Мне искренность всего милей.
И вижу мудрость и отвагу
В том, чтоб прямым и твердым шагом
Идти дорогою своей.

И я всегда стою на том
Чтоб глупо душу не неволить.
Пускай она по доброй воле
Горит безудержным огнем.

Прощание

Мне приснилось земли раздолье,
Мне причудилось – счастья нет.
И вдали над зеленым полем
Разливается нежный свет.

Это радужное сиянье
От твоих исходит волос.
И как будто у нас прощанье
Без упреков, обид и слез.

Платье алое в синий горошек
И в руках твоих роз букет.
Я, наверно, тобою брошен.
И как будто кричу вослед:

«Хорошо мне было с тобою».
Но рассеялся нежный свет.
И исчезли и ты, и поле,
И молчание мне в ответ.

Новая дорога

Мой друг, и ты уходишь от меня.
Дорогой новой, как и суждено.
Предвидел я. Но, знаешь, всё равно
За горечью не вижу света дня.

Я не живу надеждой и мечтой.
Душе невмочь от пройденных потерь.
Вот за тобой уже закрыта дверь.
И где, когда увидимся с тобой?

Но на Судьбу обиды не таю.
Так суждено – испытывает нас.
Но в каждый день, и в каждый новый час,
Я, как всегда, Её благословлю.

Горная река

Над горной рекою,
Над бурным потоком
Стою одиноко,
Природе внимая.

И всё принимаю:
Реки быстротечность
И гордую вечность
Горной вершины.

И всё здесь едино:
И неба безбрежность,
Суровость и нежность,
И лёд, и цветенье.

Святое мгновенье
Желанной свободы,
Как горные воды,
Меня освежило.

Рождаются силы
И зреют желанья
Под ликованье
И грохот потока.

Измерения

Не видя разницы отныне,
Не славлю тех
Чей путь и вычурен и длинен,
Кто ждет успех.
И тех, кто молча у дороги
Глядит вослед.
Они собратия в итоге —
Зеркальный след.
И кто ищи чего-то дале,
А кто и здесь
Познает на своём привале
Всё ту же весть.
Всё что б иные не избрали
Они равны,
Они, увы, одной медали
Две стороны.
Но есть и Некто, чьё Прозрение
Увы, чудно,
Совсем в иное измерение
Ведёт оно.

Свет доброты

Немало лжи через тебя пришло,
Но находил всему я оправдания.
Я видел в том незрелые желания,
В тебе на миг не допуская зло.

Незамутнённой полагая суть
Я длил наш мир, пускай и вышло всё же,
Что этот мир мне вылился дороже,
Чем так возможный искренности путь.

Вот и доньше где-то в глубине
Сама в себе еще источник света
Зрит доброта. Она не ждёт ответа.
Она свечою теплится во мне.

И не кричу: твой затуманен лик
И не ропщу, что горечью изранен.
Ты дал мне знать: я вечно постоянен
Свет доброты предполагать в других.

Моя душа

Неумолимо
Судьба бежит,
Неутолимо
Душа болит,
В себя вбирая
И даль и быль,
Года роняя
В земную пыль.

О чем болишь ты,
Кого зовешь,
Сквозь ветра свисты,
И снег, и дождь?
О чем вздыхая
Куда спеша,
Летишь шальная,
Моя душа?

Характер

У неё был скверный характер,
Я бы даже сказал – истерический.
Её не любили многие,
Я бы даже сказал, ненавидели.
Но быть может как двое отверженных,
Может даже во многом похожих,
Мы всегда понимали друг друга,
Я бы даже сказал, любили.

Не жалею

Уходя, ни о чём не жалею.
И отпустят меня навсегда,
И широкая эта аллея,
И полночная эта звезда.

Что с того, что любил беззаветно,
Что с того, что душа горяча,
Всё едино во мгле предрассветной,
И моя догорает свеча.

И другой, от любви обомлея,
Будет думать, что вот навсегда,
И широкая эта аллея,
И полночная эта звезда.

Элегия

Я Вас не обожаю более.
Я испытал: Вам не даны
Ни боль, ни пониманье боли.
Я знаю, как Вы холодны.

Что не встревожит, не поранит
Ничто уже души пустой.
Я не хочу делиться с Вами
Своей мечтой.

Живите так, как Вам живется,
Холодной красотой маня.
Вам кто-то может, улыбнется.
Другой. Не я.

Закатный день

Я видел стоящим его у окна,
Смотрел он куда-то невидящим взглядом.
Была его дума печали полна,
Была его дума пропитана ядом.

Он мимо прошёл, не заметив меня,
Весь сжавшись пружиной, и губы кусая,
Шептал он: «Не буду терпеть я и дня».
И стукнул он с силою, дверь закрывая.

Она прибежала чуть-чуть погода
В волнении взглядом повсюду блуждая.
Спросила: «А где он?» – к окну подойдя.
Пожал я плечами: «Откуда я знаю».

Смотрели мы в небо закатного дня
Она разрыдалась, ко мне припадая.
Меня опажнуло дыханьем огня
Я что-то шептал, её плечи лаская.

Она прикоснулась губами к губам,
И долго стояли мы, день провожая.
А он вдруг ворвался безудержный к нам,
И вышел, её за собой увлекая.

Тревога

Я знаю эту тревогу.

Я ненавижу эту внутреннюю вибрацию.

Расскажи мне мудрую сказку

О вечном существовании духа,

Мне будет легче отрешиться

От обманчивых красот жизни.

Встреча с другом

Я много лет не видел друга.
По воле жизненного круга
Я шёл, выискивая смысл
Или единственную мысль,
Одно, быть может, откровение
О сущности предназначения
Явления на этот свет,
От горькой думы отречения,
Что смысла нет.
Из крайности вдаваясь в крайность,
Я уходил в материальность,
Но, погружаясь в мир вещей,
В нём не нашёл судьбы своей.
Благоустроивая быт,
Так быстро оказался сыт
Никчёмностью земных забот,
Которые из года в год
Никоим образом не тают,
А возрастают.
И много долгих лет со рвением
Растратил я на обучение,
Чтобы понять: в тех знаниях нету
Меня тревожащих ответов.
На ниве неких общих дел
Я, может быть, и преуспел,

Но мне не интересно это:
Там тоже нужных нет ответов.
И, чувствуя в душе тревогу,
Я как-то обратился к Богу.
Он был по Божьи милосерден,
Но не настолько я усерден,
Покорен, тих, неутомим.
И я безбожно спорил с ним,
Поэтому, и не случайно,
Он не открыл мне вечной Тайны.
И вот опять замкнулся круг,
Но спился друг.
И в полутьме, в полусарае
Я с ним сегодня выпиваю.
Мы с ним равны.
И наши речи так длинны,
И в нашем пьяном восхищении
Мы вновь непризнанные гении,
Иль, может быть, скорей мессии.
И жизнь бессмысленно красива.

Движение

Я на земле немало жил,
И пел, и думал, и любил,
И был знаком с тоской безбрежной,
С печальями, и с чувством нежным.
Знакомы были мне дела,
И радость дом не обошла,
И вспоминаю, что бывало
Меня и счастье навещало,
Когда казалось: лучших дней
Не будет впредь в судьбе моей.
Так не пора ли мне устать,
И мирно отдыха искать?
Зимою нежиться в постели,
Весной дремать под звон капели,
Лениться летом в холодке,
Всю осень где-то в уголке —
Уютном, тихом и укромном —
Читать, читать роман никчемный.
И чередуя чтение сном,
Жить и не думать ни о чем.
Но глупо тешиться мечтой
Что можно обрести покой.
Всё сердце требует движенья.
Ему ушедшие мгновенья —
Далёкий и тревожный сон.

И вроде был и не был он.
И как не бейся, но желанья
Не утолить воспоминаньем.
Душе на смену подавай
И новый ад, и новый рай.

Свой путь

Я паленый и каленый,
Бит и катан, и ядрен,
Я сомненьями возвращенный,
И ошибками учен.

Не трудитесь, фарисеи
Мне навязывая путь,
Я своим умом дозрею,
Где и как мне повернуть.

Различие

Я с тобой вполне согласен
В том, что женщины умней,
Что они гораздо раньше
Постигают суть вещей.

В ходе жизненных явлений
Разбираясь так и сяк,
Женщины в одно мгновенье
Понимают, что и как.

Тут решаешь, что там будет
Что когда-то совершишь,
А они уже обсудят
Даже то, о чем молчишь.

Там в саду

Я тоскую о тихой гавани,
Где уставшие корабли,
После долгих и бурных плаваний
Молча смотрят на край земли.

И где с берегом волны в сговоре
И ласкаются, и шумят.
И где небо счастливым пологом
Укрывает цветущий сад.

Там в саду под цветущей яблоней,
Прислонившись к ее стволу,
Я б вдыхал ароматы отрадные,
Тихо б радовался теплу.

А под вечер бродил к заливу,
Заучил бы его, как стих,
И влюблялся бы в женщин красивых,
Светлолицых и молодых.

Живая истина

Весь мир во лжи. И нет благословения.
Пророки лгут. Не потому,
Что, может быть, не знали Откровения,
А потому, что не рассеять Тьму
Пророчествам, чья суть уже пуста.
Ведь Истину не передать из уст в уста.
И нет любви. И нет благословения,
Когда первостепенное значение
Приобретают древние слова.
У фарисеев Истина мертва.
У книжников не может быть спасения.
Живая Истина – Живое Откровение.
От сердца к сердцу Истина идёт.
В Живом Пророке Истина живёт.
О, жалкий род, достойный умирать,
Живых Пророков не способный дать.

Басни

Упрёк

Крестьянин выучил сына,
В столичном Университете.
Отец бы всё отдал на свете,
Чтоб сыну жизнь была легка.
Учёба кончена и к дому,
Примчался сын уже с дипломом.
Семьёю встречен, как герой —
И пир горой.
И завязался разговор,
И вышел спор.
И вот сыночек в споре том,
Весьма не сдержан был с отцом,
И заявил отцу, что он,
И не учён, и не умён.
Отец не вынес тот упрёк,
И оттого надолго слёг.

Кто хочет, ищет пусть мораль,
А мне отца уж очень жаль.

Мышь и Мышонок

Трудясь упорно день за днём,
Мышь строила просторный дом.
Чтоб не страшна была зима,
Предусмотрела закрома,
А если враг вдруг нападёт,
Предусмотрела чёрный ход.
Когда ж закончила дела,
Она Мышонка родила.
И для него, его любя,
Всё отрывала от себя.
Ну, а Мышонок рос, да рос,
И скоро маму перерос.
И все тут стали утверждать:
Мышонка надо приучать,
К тому, чтоб выполнял задания,
И, развивая сострадание,
Участвовал немного в том,
Чтоб содержать в порядке дом.
Но только слушать Мышь не стала,
Мышонка Мышь оберегала,
Сама, трудясь из года в год,
Его хранила от забот.
А время шло и шло упрямо,
Мышонку тесно стало с мамой,
Но он не думал жить трудом,

Не думал строить новый дом,
И тут же всё придумать смог,
Чтоб маму выгнать за порог.

Чтоб не нажить себе беду,
Детишек приучай к труду.

Лиса и женихи

Была затея не плоха:
Лиса искала жениха.
Чем не жених, к примеру, Бобр,
К Лисе внимателен и добр.
Но главное, что сердцу любо,
Что у него бесценна шуба,
И слух среди зверей идёт,
Есть во владенье пароход.
Но как с Бобром не быть беде,
Ведь у него жильё в воде.
А у Медведя две берлоги,
Вещей различных очень много,
И говорят на чёрный час,
Припрятан небольшой алмаз.
Но как холодная погода,
Он спит в берлоге по полгода.
А вдруг Лису закроет он,
Заставив охранять свой сон?
Чтоб в женихе не ошибиться,
Лиса отправилась в столицу.
И у бутика «Мир чудес»,
Узрела новый мерседес.
И от волнения вскричала:
«Владелец где? Его искала.
Ах, от него я всё стерплю,

Ведь я его уже люблю».

Смешной случается расклад,
Коль вместо сердца банкомат.

Лжец

Во лжи достигнув апогея,
И власти жажда во всём,
О выгодах мечты лелея,
Решил Шакал, что станет Львом.
Опустим сложность превращения,
Во лжи талант Шакалу дан,
И после многих ухищрений,
Ему удался тот обман.
Ко Львам записанный к обеду,
Шакал торжествовал победу,
И ждал, что близок он к мечте.
Но в гардеробной тесноте,
Когда сдавал пальто и шляпу,
Ему вдруг отдавили лапу.
И тут Шакал про всё забыл,
И по шакальи громко взвыл.

Как ни юлит искусный лжец,
Бесстыдной лжи придёт конец.

Знатоки

Живя на дальней стороне,
Слон жизни доверял вполне,
И каждый день из года в год,
Без лени он встречал восход,
И выждав позднюю луну,
Часами слушал тишину,
И, излучая нрав простой,
Был счастлив с этой красотой.
Но в некий день, хоть нележки,
К Слону вели пути-дороги,
К нему добрались понемногу
Известнейшие Знатоки.
Их было много, Слон – один.
Они умело говорили,
И незаметно заманили
Слона на выставку картин.
Как гениальное одно
Они хвалили полотно...
Вблизи, вдали, смотрел наш Слон,
Но лишь мазню увидел он.
Что, впрочем, и не мудрено:
Мазнёй и было полотно.
Пытался возмутиться Слон,
Но с выставки был изгнан вон.
Но тут другие Знатоки

Его звали у реки
Послушать избранный квартет,
Которого прекрасней нет.
Но Слон едва к реке спустился,
Чуть перепонок не лишился.

За сотни вёрст бежал наш Слон,
Теперь уж точно знает он:
Средь именитых Знатоков
Всегда немало дураков.

Емельян

Позабыв про всё на свете,
Он всё время в Интернете.
Интернетом научён,
Приготовил зелье он.
Как учили Емельяна,
Выпил сразу два стакана.
Думал, что без докторов
Сразу станет он здоров.
Но дошёл лишь до дивана,
Стало плохо Емельяну.
В голове густой туман,
Сипло дышит Емельян,
Онемели руки, ноги...
Столбенея от тревоги,
В трубку в ужасе крича,
Вызывает он врача.
Врач, узнав от Емельяна
Про рецепт, про два стакана,
И про то, что выпил кряду,
Рассмеялся до упаду.
До истерики дошёл,
Еле сделать смог укол.
Но смешного было б мало,
Если б помощь опоздала.

Емельян теперь учён,
Ко всему дотошен он,
Строго следует запрету:
Не лечись по Интернету!

Обвинитель

Нёс торт Иван. Скорей всего
Семейный праздник ждал его.
Мечту о празднике лелея,
Ему б идти не ротозея,
И продвигаясь по дороге,
Хоть иногда смотреть под ноги.
Но у Ивана свой резон,
На всех вокруг глазеет он.
И так случилось в этот вечер,
Ивану Пётр шёл навстречу.
И шапка, куртка и штаны,
Ивану стали в нём смешны.
Увлёкся так, разинув рот,
Что плюхнулся локтём на торт.
И наш Иван, поднявшись скоро,
Пустился в тяжкие укоры,
Причин для злости отыскал,
И закатил Петру скандал.

Иной до обвинений прыткий,
Всех укорит в своих ошибках.

Наказание

Наш Заяц, прихвастнув, солгал немного.
За ложь мы осуждаем строго.
Здесь может быть один ответ,
Что Зайцу оправданий нет.
Но мы не ищем оправданий,
Мы говорим о наказанье...
Судью выставили Волка,
В судеистве зная много толку,
И обо всём толкуя смело,
Он приступил немедля к делу.
И следует сказать одно,
Что Льва судили заодно.
Наш Лев большим гурманом был:
Весьма зайчатину любил.
И, будучи Зайчатам друг,
Съедал на завтрак десять штук.
Продлился суд совсем недолго,
Заранее всё ясно Волку:
Чтоб Заяц не солгал опять,
Его назначил растерзать,
А Льва, коль он такой ужасный,
Отправил под арест домашний.

Хоть и смешны дела зверей,
Но не смешнее дел людей.

Артист

Артист повсюду: тут, и там,
Коллегам, зрителям, друзьям, —
Я всех люблю, — твердил всечасно.
Но был он лицемер ужасный.
И если только дома был,
То он жену и деток бил.

Заслуживает строгих мер,
Такой ужасный лицемер.

Черепаша

Черепаша, ох она,
Говорят, весьма умна.
Но о ней возможно так,
Редко скажет кто отныне,
Ведь когда душа в гордыне,
То и умный, что дурак.

Черепаша возомнила:
Незаслуженно она,
В жизни всем обделена.
Оттого вдруг и решила,
Ради славы и престижа
К сильным мира быть поближе.
Оттого пришла она,
Зазывать в друзья Слона,
Не смущаясь, что мала,
Что над нею Слон – скала.
Слон её не замечал,
И едва не растоптал.
Только Черепаше впрок,
Не пошёл такой урок:
Коль не вышло со Слоном,
Так подружится со Львом.
Только Лев, хоть замечает,
Но её как мяч пинает.

Кто разумен, сам бы смог,
Предсказать такой итог:
Зря гордыней не блещи,
По себе друзей ищи.

Звезда и месяц

Над бледной ближнею звездой
Смеялся месяц молодой:
«Зря выбиваешься из сил,
Хоть льёшь ты, хоть не льёшь свой свет,
Все от тебя ведь пользы нет,
Ничтожное из всех светил.
Иль может, ты на небосклон
Взошла, чтобы весь мир смешить?
Что стоит мне тебя затмить?!
Мир только мною освещён.
Все реки, горы и моря,
Видны лишь мне благодаря.»
Всю ночь над ближнею звездой
Смеялся месяц молодой.
И дольше б злую вёл игру,
Но солнце встало поутру.

Так, как Природою дано,
Свети со всеми заодно.
Не будь, коль ярче, чем другой,
Хвастлив, как месяц молодой.

Ваза

«Поставь ее на шкаф», – сказал один, —
Там место вазе».

«Нет, лучше к свету», – произнес другой, —
На тумбочку. К окну.

Там выявятся прелести ее».

«Да нет же, лучше в тень», – им третий возразил. —

«Туда, где телевизор.

Там скроются ее изъяны».

Четвертый всем кивал и сохранял молчанье.

Хозяин бедный, носился с вазою,

Пока не уронил.

Тогда четвертый с горечью вскричал:

«Ах, почему на стол ты вазу не поставил?!

Она была бы там целее».

Так и иной: спешит всем угодить.

И мненье собственное выскажет тогда,

Когда в нем надобности нет.

Мишка

Наш Мишка без ограниченья
Всегда охоч до развлеченья.
Хоть кушать мёд и не зовут,
Да только Мишка тут, как тут.
А как до дела... так не трогай:
Он отсыпается в берлоге.
Но если сам в нужде бывает,
То он отказ не принимает.
И тем отказом возмущён,
На всех в лесу бранится он.

Вот так же мнится кой-кому,
Что будто все должны ему.

Мясник

В одном небольшом городе жил мясник. И всю свою жизнь он рубил мясо. И никто из людей не спрашивал, отчего и как он стал мясником. И не было у него ни жены, ни детей. Но кому было до этого дело? И был мясник груб и жаден. Но люди мирились с этим, потому что он хорошо рубил мясо. И стал мясник уже стар, но всё не бросал работу. Но пришло время, и умер мясник. И когда люди собрались, чтобы похоронить его, они увидели, что мясник лежит на перине из денег. И спросили люди друг друга: «А для чего жил мясник?»

Успей, Человек, спросить себя для чего ты живёшь, пока не пришли те, кто спросят друг у друга для чего ты жил.

Сова и Макаки

Сова несла зверям знание и призывала их любить лес. Но как только она умолкала, звери начинали ликовать и говорить друг другу: «Наконец-то мы можем есть и веселиться». И, в конце концов, они изгнали Сову в дальний лес, где она вскоре и умерла. И главными у зверей стали Макаки. Днём они смешили зверей без конца кривляясь, а вечером они развлекали зверей стриптизом. Но беззаботное время длилось недолго, потому что каждый думал только о себе. Медведи вытаптывали ягодники. Белки разрушали грибницы, выдёргивая грибы с корнем. А Зайцы повреждали молодые деревца, подгрызая на них кору. И лес стал редеть, и сохнуть. Но Макаки продолжали кривляться и показывать стриптиз, а звери ели и веселились. И тут начались пожары, в которых и погибли и лес, и звери.

Невежество – одна из главных причин несчастий.

Лиса и Заяц

Лиса звала Зайца прогуляться с ней по лесу. Но Заяц не соглашался и оправдывал это тем, что не однажды слышал, что все Зайцы, ушедшие гулять с Лисой, не вернулись с прогулки. Лиса же убеждала, что сейчас она покаялась, и теперь никого не обижает. И единственное, в чём нуждается, так это в общении. Заяц был добр и согласился погулять с Лисой, но только после того, как решит свою проблему. «Видишь ли», – сказал Заяц, – «у меня болит зуб. И я бы хотел попасть прежде к зубному врачу. Не знаешь ли ты, Лиса, хорошего зубного врача?». «Нет», – отвечала Лиса, – «я не знаю никакого зубного врача, потому, что в них не нуждаюсь. У меня настолько хорошие зубы, что я легко перегрызаю любую Заячью кость».

Верящий клятвам призывает беды.

Три Семьянина

Три Семьянина взялись строить дома для своих семей. Первый решил строить дворец. Второй решил построить дом, который будет удобен семье, и по силам ему самому. А третий решил строить то, что можно построить быстро. И вышло так, что первый, строя дом надорвался, а третий вместо дома выстроил сарай. И только второй выстроил дом, в котором он вместе с семьёй и прожил всю свою жизнь.

Побеждает тот, кто берётся за дело, которое ему по сердцу и по силам.

Возмездие

Один человек был жесток к родителям и несправедливо строг к детям. Когда ему говорили, что это может иметь для него последствия, он только смеялся. Спустя годы, дети ушли от него, а с ним остался только младший сын. Он стал насмехаться над отцом, и не только не помогал ему, а нередко лишал и необходимого. Тогда отец стал жаловаться на него соседям. Но они не хотели его слушать, а только говорили: «Ты сам был таким».

Многие думают, что они избегут Возмездия.

Два брата

Двум братьям досталось наследство. Один не берёт свою долю, не приумножал её, и всё потерял. Другой свою долю поменял на золото, и закопал у кромки леса. Но в старости они оба побирались. Один, потому что прокутил своё наследство, а другой, потому что забыл, где закопал клад.

Жизнь даётся человеку, чтобы он распорядился ею разумно.

О дружбе и выгоде

У двух друзей было общее дело. Первый пёкся о нём всем сердцем, а Второй всё искал возможности получить для себя больше. И был Пекарь, который пёк булочки. И дела у него шли успешнее. И поманил он к себе Второго. Первый просил его не уходить, и убеждал, что вместе они всё преодолёют. Но Второй хотел всего быстрее, и ушёл. Трудно было Первому, но долгим упорством и трудом, он добился успеха. А Второй обманулся в своих ожиданиях, и стал проситься обратно. Но Первый сказал, что не хочет иметь дело с тем, кого можно переманить булочкой.

Тот потеряет дружбу, кто ищет в ней только выгоду.

Хозяин и Работники

Один Хозяин был несправедлив и придирчив. И от этого страдали оба Работника. И один Работник спорил, возмущался и втайне относился к работе спустя рукава. Другой Работник переборол своё раздражение, и употребил свою энергию на совершенствование в своём деле. В какое-то время обоим Работникам пришлось уйти. И второй Работник быстро нашёл себе новое место. А первому Работнику пришлось очень туго.

Нередко полезнее употребить энергию на дело, чем на возмущение и споры.

Горожанин и Мудрец

Однажды пришёл Горожанин к Мудрецу и сказал, что с некоторых пор измучила его зависть к другим людям. И попросил совета. И ответил Мудрец: «По завершению дня, намечай себе на новый день дел больше, чем было. И делай так целый месяц. А в конце месяца приходи ко мне». Прошёл месяц, но Горожанин не пришёл к Мудрецу. И спустя время Мудрец сам пошёл к нему. И встретив его, спросил, мучает ли его зависть. На что Горожанин ответил: «Какая зависть? У меня едва хватает времени на сон».

Иному человеку, чтобы что-то в себе преодолеть, бывает достаточно лишь больше времени уделять делу.

Пчёлы и Бражник

Пчёлы трудились без устали, заполняя соты мёдом. Но однажды они обнаружили, что уже запечатанные и приготовленные для зимовки соты, частично прогрызены и пусты. И тогда они увидели, что по сотам ползает огромный и толстый Бражник, и поедает мёд. Пчёлы обратились к Стражникам с вопросом, почему те пропускают Бражника в улей. И Стражники ответили, что согласно Закону, всякий, кто пахнет, как Пчела, должен быть пропущен. «Но ведь Бражник не приносит в улей нектара», – возмутились Пчёлы. «Закон для всех один», – ответили Стражники. И тогда Пчёлы решили сами бороться с Бражником. И, когда он пробирался в улей, они жалили его. Но проку от этого не было. У Бражника был Иммунитет.

Некоторым людям дано столько прав, что они воруют безнаказанно.

Злая Обезьяна

Любила обезьяна над чужими бедами смеяться. Случилось, что у Медведя лапа заболела. Идет он по лесу, лапу качает, стонет. А Обезьяна по веткам скачет, кривляется, над Медведем потешается. Случилось, что Зайцу Волк ухо порвал, Обезьяна опять тут как тут. И, мало, что потешается, так норовит ещё и орехами в больное место попасть. Над каждой бедою у всякого зверя, у Обезьяны своя насмешка. И ответить ей никто не может, потому как, хоть и глупа Обезьяна, да высоко бегаёт. Но вот шёл как-то Охотник по лесу, и вздумала Обезьяна в него камнем кинуть. Посмотрел Охотник на кривляющуюся Обезьяну, потёр ушибленное место, да что-то на звериной тропе делать стал. И ушёл. Спустилась Обезьяна, а на тропе лунка, а в глубине орехи видны. Схватила она орехи, а назад руку вытащить не может. Потому, как зла в ней было много, а ума было мало. Шёл Медведь, и Обезьяне здоровой лапой оплеуху и отпустил. Бежал Заяц, постучал Обезьяне по голове, как по барабану. Вспомнила тут Обезьяна, как над бедами других зверей потешалась, и взвыла от страха. Да поздно было.

Петух

Все Петухи любят петь. Особенно на утренней зорьке. И на то ни у кого досады нет. Наоборот, многие скажут: «Хорошо, когда Петушок на зорьке пропоёт». Но вот беда, удумал наш Петух, что он самый лучший, а потому и внимания заслуживает особого. Да только никто его из общего Петушиного хора не выделял. И стал наш Петух весь день кричать без перерыва. Вот и заметили его, потому, как никому от него покоя не стало. Просили его, чтобы пел с перерывами. Но не унимался Петух, горланил без умолку. Большого внимания требовал. И собрались звери решать, что делать. А Петух тем временем возомнил, что теперь с него картину напишут, или того лучше золотое изваяние сделают. И когда пришли за ним представители от звериного царства, он не то, что не убежал от них, а за ними пошёл. Да и попал на суд звериный. А уж там ему голову и свернули, чтобы не досаждал звериному царству.

Иному человеку, чтобы пробудилось в нём понимание, нужны законы звериного царства.

Хомяк

Хомяк жадным был. Говорили ему: «Хомяк, ты жадный». «Нет», – отвечал Хомяк, – «я бережливый». «Да, где ж ты бережливый», – спорили с ним – «если ты всё, что ни попадя домой тащишь. Меру же знать надо. Гляди, как бы беды не было». Но Хомяк отмахивался, и опять всё по-своему делал. Если кто за помощью обращался, он отказывал. А если кто отворачивался, то он из-под боку всё утаскивал. Настроил себе Хомяк сараев, да амбаров, а всё одно уже складывать некуда. Решил тогда Хомяк всё за щеками прятать. Раздулся так, что уж и с места сдвинуться не мог. И случился у него пожар. Хомяку его бы сразу тушить начать, да замешкался он: уж сильно раздутые щёки мешали. Вот пожар и разгулялся. Выгорело всё у Хомяка. И сам он еле жив остался. Вот и живёт теперь в холодной норе, и питается тем, что другие дадут.

И поделом. Не жадничай.

Заяц

Всё Зайцу не так. Запрыгнет на пенёк и галдит: «Хорошо быть Медведем. И силён, и ухватист. Оттого и бока наел, что еле на тропе помещается. Быть бы мне Медведем, а не зайцем». В другой раз уже другая песня у него: «Хорошо Белке. По деревьям прыгает, орехи собирает, да в дупло складывает. Уже и запас на зиму есть. Будет зиму без заботы жить, не то, что я». И так без конца. То Заяц Льву позавидует, то вдруг и до каждой букашки доберётся. И всем, оказывается, хорошо, одному Зайцу плохо. Уговаривали его другие Зайцы быть самим собою, да никому не завидовать, да не послушал их Заяц. Так на своём пеньке дозавидовался, что не заметил, как к нему Лиса подкралась.

Так и иной человек, пока другим завидует, и своё потеряет.

Миниатюры

Шутка

Была неуютная, малоснежная, холодная зима. Он с большой неохотой ходил в школу, с еще большей неохотой делал уроки дома, и единственным его удовольствием было: привалиться спиной к стене, нагретой печью, и допоздна читать книгу. К утру печь остывала, в доме становилось прохладно, и было мучительно трудно выбираться из теплой постели. Собравшись, он шел, не спеша, в школу, петляя по знакомым улочкам и выбирая дорогу короче. Однажды, свернув в переулок, он и встретил ее, когда она выходила из углового дома, незнакомая, красивая, и они едва не столкнулись.

Она появилась в его классе и что-то бурное, и неизвестное ворвалось в его сердце. Две недели оно мучительно боролось за свою свободу, но потом в один день постигло всю ненужность борьбы, и отныне любимым его занятием было мечтать о ней.

Много месяцев ради нее он мысленно совершал немислимые подвиги и не однажды был искалечен, ранен, убит. Быть может, она догадалась об этом, потому что однажды, когда он стоял у раскрытого окна, с высоты третьего этажа смотрел на школьный двор и мечтал о ней, она подошла, глянула

вниз, потом на него и неожиданно сказала: «Прыгни». И он не смог прыгнуть.

Разлука

Я редко вспоминаю тебя. Не потому, что я забыл. Там, в глубине моего естества ты существуешь всегда. Но здесь, в движении суетного мира, тебе нет места. Утром, еще до восхода солнца, я уже в пути. Вечером, уже после заката, я еще в пути. В оставшуюся же часть вечера, я, еще по инерции, размышляю о прошедшем дне. А ночью, когда я, наконец-то, засыпаю, в надежде увидеть тебя, я вижу тебя уходящей, ускользающей неярким силуэтом, из огромного здания, куда-то вдаль. И, наши пути вновь расходятся. Я поднимаюсь по широким ступеням в огромное фойе здания, в котором на больших окнах желто-золотые занавеси, сквозь которые пробивается неяркий, но теплый свет. Я пытаюсь узнать, от куда ты уходишь и куда ты идёшь? Но все обрывается вновь. И там, куда я отправляюсь поутру, тебе снова нет места.

Некая энергия

Я приходил, не раздеваясь, падал лицом вниз на кровать и... умирал. Ощущение умирания было физическим. Я чувствовал, как начинало медленнее биться сердце, как замедлялась жизнь в каждой клеточке тела и, как страх смерти расползался до самых глубин сознания. И в этом ощущении я лежал, недвижим, часами.

Жизнь кончена. Ничто невозможно убавить, добавить, исправить. Имеет ли тело возможность дальнейшего существования уже не важно...

Когда спустя несколько лет я услышал: «Сынок, Бог уже забрал у меня душу», – я не переспрашивал. Мне было знакомо это ощущение чисто животного существования. Когда жизнь воспринимается дискретно, когда больше того, что ты в данную секунду можешь видеть или слышать, ты не способен в себя вместить. И даже это не способен собрать воедино. Тогда страдание ощущается в его чистом виде, потому что, как бы в назидание, тебе оставлена память о некоей большей составляющей тебя самого.

В обычном состоянии есть присутствие некоей энергии, дающей силу и радость жить. Есть какие-то труднообъяснимые, обволакивающие наслоения, для меня сейчас осознаваемые, ибо тогда я пережил полное отделение своей животной природы от природы духовной, данной, как я сейчас по-

нимаю, свыше.

И прежде чем всё это закончилось, мне открылось прошлое в его истинном значении. Порою, казалось бы, за верными действиями и словами вдруг открывалась мне, и не предполагаемая прежде, бездна греха.

Знак

После некоторого разговора, товарищ мой, как-то сказал: – «Отчего ты все время ищешь? Даются какие-то знаки, и достаточно этого». «Знаки даются слепым», – отвечал я. – «Стук палочкой – бордюр, стук – стена, стук – дерево. А не успел вовремя уловить знак – и провалился в колодец, который какой-то негодяй попросту оставил открытым. И можешь этого негодяя называть дьяволом, но при неблагоприятных условиях можешь из колодца самостоятельно и не выбраться. А когда ты зрячий, тебе не нужны „знаки“. Тебе не нужна палка. И то, что слепой вынужден воспринимать на сознательном уровне, растрчивая на это всю свою энергию, зрячий может позволить себе воспринимать на уровне бессознательном. И тогда остаются силы на более полноценную жизнь, на существование на более высоком уровне».

Однако, случались у меня иногда такие «знаки», которые оказывались уж очень выразительны.

Прочитал я книгу «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». И случилось так, что Иисусова молитва, которую я потом стал произносить в таком варианте:

«Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй меня грешного», запала мне в душу. Длинные молитвы, которые я раньше пытался заучить, не приносили мне ощущения бли-

зости к Богу. Да и, находясь, все время в движении и в работе, я не мог на них отвлекаться. И Иисусова молитва явилась для меня Откровением. Я читал ее, если испытывал потребность в молитве, и находясь в пути, и в перерывах между работой. Так как молитва коротка, ее никогда не трудно было, при необходимости, завершить, не нарушив. Кроме того, произнесение молитвы, я сопровождал мысленным наложением на себя креста. И мне было хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.